

ВАЖНОСТЬ ИСТОРИИ

В беседе мы дошли до критического поворотного пункта, Агнос. С этого момента наш аргумент меняется в характере. До этого доказательства выводились путём заключения; в дальнейшем наши утверждения будут более прямого характера. В этом исследовании вся остальная дискуссия посвящена тому, чтобы изложить аргумент в пользу существования христианского Бога с точки зрения истории или откровения.

Прежде чем погрузиться в историю, стоит остановиться и спросить: что мы до сих пор доказали? Каким бы оказался человек, если бы мы остановились тут же и дальше в рассуждении не пошли? Что касается меня лично, то я был бы теистом, но я должен признать, что доказательства пока ещё не весьма убедительны. Благодаря понятиям зависимости, замысла и сути человеческой природы, мне казалось бы, что по сравнению с материализмом теизм всё-таки является лучшей гипотезой. Но я не говорил бы всей правды, если бы утверждал, что до сих пор я полностью доволен объяснением. Я нахожу некоторые недостатки в «естественной теологии», т. е. в попытке доказать существование Бога, ссылаясь только на природу, но не на откровение.

А. ОГРАНИЧЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ТЕОЛОГИИ

1) Нельзя доказать существование бесконечного Бога путём естественной теологии ввиду того, что она берёт своё начало с конечной природы. Если свидетельства (предпосылки) приходят от конечного мира, то никак невозможно вывести из них бесконечную причину. Качество бесконечности должно быть в предпосылке для того, чтобы была бесконечность и в выводе. Единственным аргументом, сохраняющим в предпосылке качество бесконечности, является Космологический аргумент, но, как мы уже увидели, он, сам по себе, доказывает всего лишь существование того необходимого Чего-то, что объясняет существование зависимого существа (человека). Это Что-то может и не быть личным, интеллигентным или моральным существом. Сверх того, нет конкретного средства для того, чтобы доказать, что существо, предполагаемое по аргументу Замысла, есть то же самое существо, которое предполагается по Космологическому аргументу.

Конечно, я мог бы ответить, что такое возражение относится к любой теории, в которой постулаты играют определённую роль. Эмпирической гипотезы, вполне достоверной по принципам дедукции, не существует. Адвокат может говорить присяжным что-нибудь типа: «Убийство должно быть в предпосылке прежде, чем прийти к выводу о том, что оно произошло», но присяжные, вероятно, не очень-то согласятся, если косвенные улики убедительно обвиняют подсудимого. Доказательства любого факта никогда не дедуктивны, но это не значит, что они целиком бесполезны. Теистические до-

казательства лежат где-то посредине между крайностями полной бесполезности и дедуктивной достоверности.

Я мог бы ответить на возражение следующим образом, хотя это, быть может, звучит как-то пусто. Я всегда считал, что необходимым элементом моей религиозной веры является уверенность и что утверждение, что какое-то явление «весьма вероятно», не одно и то же, как заявить, что данное явление «достоверно». Это приводит меня к интересному вопросу: если самым верным средством знания является дедукция, то почему Бог не открылся нам таким образом? Философская теология уже столетиями обеспокоена этим вопросом.

Первый ответ возможно заключается в том, что Бог может открыться миру, который базируется на фактах, только посредством индукции. Второй ответ состоит в том, что человек начинает волноваться и глубоко дышать, когда пользуется методами индукции. Индукция имеет экзистенциальную остроту, которая отсутствует в дедукции. Только в отношении индукции нужно выступить с верой, чего Бог, вероятно, и желает от человека.

2) С помощью естественной теологии никак нельзя установить существование Бога, — понятие, которое многие считают самым высоким понятием Бога; т. е. понятием Бога Иеговы, связанного с еврейско-христианским откровением. Ссылаясь только на естественную теологию, никак нельзя вывести из неё стопроцентного Бога Иеговы. Даже при полном освещении никак не увидишь на сцене живого Бога Библии, если отсутствует добавочный прожектор, названный «откровение». Логическое рассуждение без откровения всегда даёт нам бога, который отличается от Бога Иеговы, а это легко увидеть, если сравнить Бога Библии с богом Аристотеля, Спинозы и Томаса Пейна. Бог Библии полностью личен: Он ревнует и гневается; Он кается (в том смысле, что жалеет) и передумывает; Он проявляет такую решимость, которой никакой другой бог, придуманный человеческим разумом, не обладает.

Бог Библии — уникален. Мы должны отвергнуть современный миф, что все религии в основном преподают одно и то же. Дело в том, что человеческие религии расходятся как раз по этому основному пункту, т. е. сути Бога. Восточные боги полностью ограничены; они составлены из всего, что связано с земным существом. В этом-то и состоит пантеизм, или вернее, как отмечает Францис Шейффер: восточные боги включают в себя свойства всего, что окружает их. У западных богов, таких как греческие и римские, была тенденция представлять себя личными богами, но с большими ограничениями. Бог Библии, — как Ветхого, так и Нового Заветов, — объединяет в Себе эти свойства: Он — Бог бесконечный и личный.¹

Хотя теистическими доводами нельзя доказать реальность библейского Бога, это не значит, что мы не можем надеяться на то, что увидим некоторые свойства Бога Иеговы на основании материала, приведённого до сих пор в качестве доказательств. Мы можем надеяться на то, что узнаем что-то о характере Бога, ссылаясь на разные моменты наших личных моральных и духовных переживаний ввиду того, что мы сами были сотворены по Божьему образу. Бог Иегова, полностью открывший Себя, не расстраивает нас, хотя Он может изменить или увеличить то, что мы из своего опыта уже знаем об истине, добре и красоте.

1. Francis Schaeffer, *The God Who Is There* (Chicago: InterVarsity Press, 1968), стр. 94.

3) Казалось бы, в естественной теологии чего-то недостаёт, когда признаёшь, что Бог, Которого мы ищем, является личным Богом. Если мы тут остановимся, то самое большое у нас, — это состоятельная гипотеза о Боге. Я уверен, что Бог сейчас под хорошим впечатлением о нас. Он говорит: «Большое спасибо, ибо как приятно получить от вас статус гипотезы!». Бог будто обращается к нам словами четвёртого стиха второго псалма: «(Он) посмеется, Господь поругается им».

Агнос, что сделали бы Вы, если бы потеряли жену в большом доме и начали усердно искать её? Как бы Вы чувствовали себя, нашедши там же улики её присутствия: ботинки, носки, губную помаду, шпильку для волос, прядь волос? Довольны были бы Вы такими косвенными данными? Вряд ли! Вот так и бывает с теми, у кого есть всего лишь последовательные доказательства существования Бога. Они желают пойти дальше к доказательствам соответствия. Нашедши того, кого искали, — будет ли это жена или Бог, — Вы воскликните вместе с Иовом: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя» (Иов. 42:5).

Конечно, правила в поисках Бога отличаются от тех, которые соблюдают всякий раз, когда ищешь любые другие вещи в мире — либо человека, либо какой-то предмет. В поисках почти всех вещей приходится выучить на память ряд определённых правил, чтобы найти предмет «х», и надо эти правила соблюдать. Однако Бог является «х-ом», который отличается от обычных «х-ов» в такой мере, что правила навсегда изменены. Он является Личностью и в этом кроется элемент личной свободы или прихоти. Он может быть на один прыжок впереди Вас, если Он этого желает. Он может спрятаться от нас, если Он этого хочет. Он не ходит в видимом образе по улицам. Вы никогда не можете сказать о Боге, как о дереве или машине, что «вот, Он же там!». Хотелось бы, чтобы Вы могли это сказать о Нём, но я знаю, что это невозможно.

4) Всё это, в конечном счёте, имеет то значение, что естественная теология предоставляет человеку слабое основание для живой религии. Нельзя молиться гипотезе; как-то неприлично поклоняться постулату; теория не в силах простить Вам грехи. Ради состоятельной религии весьма слабым оказывается тот Бог, Которого познают только на основании предположений. Карл Барт однажды сказал: «Без Христа я был бы атеистом». Для меня это слишком строго, но я всё-таки мог бы сказать, что без Христа я не был бы миссионером-теистом. Боги Аристотеля, Бенедикта Спинозы и Томаса Пейна не жалеют и не достойны поклонения. Относительно естественной теологии Блез Паскаль написал:

«Метафизические доказательства существования Бога так сильно отличаются от человеческих методов рассуждения и они (т. е. метафизические доказательства) столь сложны, что производят слабое впечатление, и даже если бы те доказательства чем-то помогли некоторым людям, то, когда эти люди обращали бы внимание на них, их воздействие продолжалось бы всего лишь на короткое время, но через час после этого люди стали бы опасаться, что сделали ошибку».²

Можно сказать, что религиозная жизнь ограничена, когда человек до излишества занимается теистическими доказательствами. Философские соображения возвышают наш думающее эго и иногда отталкивают нас от других людей, даже и от Самого Бога. Рассказывается о человеке, который столько

2. Blais Pascal, *Pensées*, № 381.

времени посвятил вопросу существования Бога, что забыл помолиться! Когда так случается, то Бог, доказанный философскими аргументами, становится идолом. Как утверждал Сёрен Кьеркегор, чисто рационалистическое постижение Бога не изменяет философа, познающего Его. Можешь быть самым выдающимся логиком в мире, но одновременно оставаться духовно пустым. Настоящая вера в Бога меняет человека в его целостности, не только в его интеллекте. Уверовать в Бога без всякой личной перемены — это не вера, а издевательство. «И бесы веруют, и трепещут» (Иак. 2:16). Человек может возгордиться тем, что благодаря теистическим доказательствам он познал Бога, но это вызывает результат, противоположный результату настоящего познания Бога.

Поэтому, дорогой Агнос, мы не можем, даже не осмеливаемся, остановиться над предоставленными до сих пор аргументами в пользу существования Бога. Независимо от того, стали ли Вы теистом, деистом или просто заинтересованным агностиком в результате этих аргументов, у Вас, наверное, возникли всякие вопросы о Боге. Кто Он по характеру? Заботится ли Он обо мне? Чего Он хочет от меня? Что Он в будущем сделает со мной? Заговорил ли Он с кем-то непосредственно? Христиане убеждены, что большая часть Ваших вопросов получит ответ, если Вы в своих поисках пойдёте дальше и расследуете еврейско-христианское откровение Бога.

В. ИСТОРИЯ КАК СРЕДСТВО ОТКРОВЕНИЯ

Очень важно отметить, что нигде в Библии не найдёшь формального, систематического изложения доказательств существования Бога. Почему? Почему ни один из библейских авторов не предоставил нам краткого изложения доказательств существования Бога? Потому, что для евреев и первых христиан непосредственный контакт с Богом в истории имел большее значение, чем только утверждения, основанные на предположениях. Доказать существование исторического Бога-Иеговы было бы настолько нелепо, насколько нелепа всякая попытка доказать существование Вашей жены, сидящей на Ваших коленях.³

Агнос, если Вы испытываете какое-то отвращение к истории (это недостаток у Вас), то чтобы правдиво оценить христианство, Вам придётся это дело исправить, потому что наша вера учит, что Бог яснейшим образом открылся нам в исторических событиях. Он начал историю с акта сотворения; Он управляет творением через провидение; Он вошёл в сотворённый мир различными чудотворными путями; Он обитал в исторической личности, Иисусе Христе, и Он завершит её при последнем суде. Можно обнаружить хронологический план божественного искупления в серии событий, открывших Бога: сотворение; выход израильского народа из Египта, его скитание в пустыне, распятие Христа, Его воскресение и второе пришествие. В отличие от буддизма и индуизма христианская вера обращает очень серьёзное внимание на историю. Христиане убеждены, что история не является ни абсурдом, который нужно терпеть, ни вечным циклом событий, которого нужно избежать, ни иллюзией, которую нужно рассеять.

Но вы спрашиваете: зачем пользоваться такой слабой тростинкой в подтверждение Божьего откровения? Почему Бог открылся в происшедших со-

3. Есть несколько мест в Писании, которые, казалось бы, пользуются идеей естественной теологии, например: Рим. 1:20; Пс. 18:2; Деян. 17:27; Иов. 12:7—12. Однако эти стихи не являются прямыми доказательствами существования Бога; они скорее всего похожи на побочные упоминания, носящее второстепенное значение в пользу главного утверждения.

бытиях? Почему Всемогущий заставляет меня рыться в событиях, происшедших тысячи лет тому назад, чтобы найти Его? Почему Господь, властвующий над Вселенной, играет в прятки со мной, Его мнимым существом, якобы проявляющим Его образ? Если эта бесконечная Личность действительно существует, то Она должна быть самым важным Существом в космосе. Почему Он не может стать современным Существом? Разве земной отец прятался бы от своих потомков? Почему Бог не мог бы, прямым путём, открыться каждому человеку в отдельности, скажем в самой середине дня его рождения, отмечающего достижения им семилетнего возраста? Так что если бы кто-нибудь отказался уверовать в Бога, то был бы виноватым в неверии. Но как на самом деле выходит, нельзя обвинять никого в неверии в Бога, Который играет в прятки с нами.

Таким образом выражается главное возражение. Но в чём именно заключается эта трудность с Богом, открывшим Себя в истории? Критик утверждает, что история не относится к сегодняшнему времени; это что-то отдалённое, оторванное от современного человека, которого Бог пытается достичь, особенно если событие, открывшее Бога, произошло две тысячи лет тому назад. При такой отдалённости история оказывается зависимым и сомнительным явлением. Просто никак не можешь быть уверенным в том, что на самом деле случилось из того, что было пересказано тебе. Ты просто во власти очевидцев, слышишь о происшедшем событии из вторых рук. Если данное событие произошло две тысячи лет тому назад, как в случае воскресения Христа, то это предоставляет тебе проблему. Почему Бог засыпал первое поколение христиан знамениями и чудесами, а шестидесятому поколению Он оставил коллекцию книг, документирующих те первые чудеса?

Критики настаивают, что религия, приходящая от Бога, не была бы ограничена определённым сроком времени и местоположением (это называется «скандалом особенностями»), но была бы составлена из целого ряда общих идей, доступных отдельному рационалистическому мыслителю любого времени и в любом месте. У нас есть стихотворение на английском языке, которое выражает подобное недовольство: «Как странно со стороны Бога, что Он выбрал евреев». Настоящей религией может быть только та, которая укоренена в вещах, относящихся ко всем людям.⁴ Критик не раз приближается к тому мнению, что религия должна быть дедуктивной, но он не сознаёт, что таким понятием он лишает религию всякого фактического содержания.

Разрешите мне защитить историю как дисциплину. Никто не должен утверждать, что история — физическая наука, потому что это не так. Но это не значит, что история не является знанием. Многие мыслители развлекаются такими короткими и смешными определениями истории как: «история есть ложь, о которой сговорились» или «история есть шутка, которую мы сыграли с умершими», однако серьёзные историки редко считаются с такими определениями. Занимающиеся этой дисциплиной говорят, что история представляет нам положительные результаты знания. Один из самых выдающихся историков, Жак Барзун, сказал: «Большие части истории человечества вполне известны и превосходят всякое сомнение... Вместе взятая, вся

4. Даже такой христианский мыслитель, как Кьеркегор, считал, что зависимая суть истории проблематична. Он сказал, что все исследования Библии — это приблизительные утверждения, а приблизительные утверждения «несопоставимы с бесконечной личной заинтересованностью в вечном счастье» (Sören Kierkegaard, *Concluding Unscientific Postscript* [Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1941], стр. 26).

история является настоящим знанием и без неё мы погибли бы».⁵

Ошибается тот, кто говорит, что чем больше мы отдаляемся от данного события, тем более сомнительным оно становится. Любой историк знает, что дело может быть как раз наоборот. Чем больше мы отдаляемся от данного события, тем лучше мы его понимаем и, поэтому, наша оценка его уточняется. Сверх того, чем больше мы отдаляемся от события, тем больше данных (остатков материальной культуры, документов, монет и т. д.) мы собираем, чтобы уточнить наше понимание о том, что действительно случилось. Джордж Лихтейм пишет:

«Чем ближе мы к данной эпохе, тем труднее постигнуть её существенные детали; мы сразу знаем слишком много и слишком мало. Пока неисчислимое количество деталей ускользает от нас, нам доступно столько информации, что это заставляет нас подумать о том, является ли наш принцип выбора произвольным и актуальным. Эта трудность уменьшается, когда дело касается более отдалённых периодов; мы знаем... что именно придало им их определённый характер, — грубо говоря, мы знаем, чем они жили. Наши недавние предки одновременно более знакомы, но и менее понятны».⁶

Если Вы, Агнос, признаёте, что история даёт нам настоящее знание, то я могу предложить несколько причин, которые возможно объяснят Вам, почему Бог решил открыться нам таким образом.

1) Человек — историческое существо. Он принимает определённый образ поведения от институтов, основанных в истории. В отношении его поведения очень мало передаётся наследственным путём. Так как религия является одним из самых уникальных приобретений, то это приобретение относится к общей сути принятия религии, которая, как и в других случаях, приобретается от институтов, основанных в истории. И в свете того, что все человеческие институты пользуются речью в её устной и письменной форме, то приемлемо считать, что Бог выбрал эти средства. Важен тот факт, что знаменитые мировые религии, в своём большинстве, были основаны определёнными историческими лицами: Моисеем, Зороастром, Буддой, Христом, Магомедом.

2) Если Бог — Личность, то вполне разумно считать, что Он должен открыться в исторических событиях. При этом стоит отметить, что любой человек открывает себя другим скорее *словами* и *поступками*, а не только своим видимым присутствием. Камень виден без всякой инициативы со своей стороны, но человек должен что-то определённое *сказать* или *сделать* для того, чтобы другие могли узнать, что у него на уме. Неразговорчивому человеку мы иногда говорим: «Что-то скажи, что-то сделай!». То же самое можно сказать о Боге: откровение является испытанием, определённо вызванным субъектом (Богом) для того, чтобы объект (человек) что-то мог узнать о субъекте. Это соответствует написанному святым апостолом Павлом: «Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нём? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор. 2:11). Дело в том, что Библия переполнена чудесными действиями Бога,

5. Jacques Barzun and Henry F. Graff, *The Modern Researcher* (New York: Harcourt, Brace, and World, 1970), стр. 163-164).

6. George Lichtheim, *Marxism: An Historical and Critical Study* (New York: Praeger, 1961).

показывающими Его характер. Именно по этому пункту она отличается от других святых книг мировых религий. Большинство из них читается как пособия по философии или теософии, или мифологии, или космологии, или религиозной психологии. Но Библия читается, как пособие по истории. Есть предисловие в небе и последствие в небе, но между этими моментами рассказывается о поступках Бога во времени и пространстве.

3) Когда Бог открывается в истории, то Он, по крайней мере, это делает в отношении объективного, эмпирического факта. Логические позитивисты всегда возражают утверждением, что заявления о Боге бессмысленны по той причине, что нет никакого эмпирического случая, на который можно было бы сослаться для проверки. Эти заявления не оказывают никакого серьёзного воздействия на реальный мир. Такая критика позитивистов не относится к некоторым теистическим аргументам и она, без сомнения, не относится к историческому аргументу. Если библейская история достоверна, то Бог яснейшим образом заговорил к нам в истории израильского народа, в истории христианской церкви и особенно в лице Иисуса Христа.

Пока Бог остаётся теорией, постулатом или гипотезой, человек может спросить: почему Он прячется? Но как только Он вступает в историю и совершает чудеса, то неверие подвергается осуждению, как утверждал Христос (Иоан. 15:24). Писание представляет Бога, как настоящего живущего Бога, не как ложного мёртвого идола. Иегова отличается Своими свойствами в истории. «Лев начал рыкать, — кто не содрогнётся? Господь Бог сказал, — кто не будет пророчествовать» (Амос 3:8). «Слово Моё не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу» (Иер. 23:29).⁷

4) Христиане не верят, что в прошлом Бог полностью открылся. Правда, самые критические события произошли в прошлом, но даже они сохранены в определённом институте христианской церкви. Сверх того, христиане верят, что при рождении свыше Божий Дух Святой начинает обитать в каждом послушном чаде Божьем, и что пребывание в нём, действительно, служит средством откровения Бога в настоящее время (Иоан. 3:5; Деян. 5:32). «Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге» (1 Иоан. 4:15). Когда Христос высказывал великое поручение, то Он обещал: «И се, Я с вами до все дни до скончания века» (Матф. 28:20). Внешнее свидетельство Писания и история соединяются с внутренним свидетельством Духа Святого, чтобы дать христианину чувство уверенности.

5) В конечном счёте, я считаю, что история является методом откровения, близко соответствующим самой сути веры, по крайней мере, согласно тому, как я до сих пор в исследовании пользуюсь ею. Я однажды формулировал эту идею, когда читал Паскаля, обеспокоенного обсуждаемой нами проблемой. Паскаль утверждал, что если бы Бог хотел переубедить самого упорного неверующего, то Он мог бы открыться ему таким ясным образом, что истина о Его существовании стала бы неопровержимой. Паскаль пишет так:

«Не этим средством Он решил явиться в нежности Своего пришествия; ибо ввиду того, что столь много людей не удос-

7. Бернард Рамм проводит эту тему через замечательную книгу: Bernard Ramm, *The God Who Makes a Difference* (Waco, Tex.: Word Books, 1972).

тоилось Его милосердия; Он пожелал, чтобы они почувствовали лишение того добра, которого не захотели. Поэтому Ему было бы справедливо явиться таким образом, который ясно был бы божественным и полностью убедительным, всему человечеству; но также не было бы справедливым Ему прийти таким тайным образом, чтобы искренне ищущие Его не могли увидеть Его. Он, поэтому, решил стать целиком познаваемым, желая открыто явиться только тем, кто всем сердцем ищет Его, и скрываясь от тех, кто всем сердцем убегает от Него, Он «закалил» дело познания Его с тем результатом, что дал видимые знамения о Себе тем, кто ищет Его, но не тем, кто не ищет Его».⁸

Мой тезис в том, что история — идеальное средство, которым Бог «закаливает» дело познания Его так, чтобы Он оказался частично открытым и частично скрытым. Если грех искривил человеческое рассуждение, — а, ведь, это основное убеждение христианства, — то человек, конечно, жалуется, что Бог скрыл Себя от него. Но тот, кто искренне ищет Бога, обрадуется тому, что было открыто о Нём, если даже и частично. Тот, кто убегает от Бога, использует Его частичное откровение в оправдание своего неверия.

Каким образом история открывает Бога? Если дать классический пример, то можно сказать так: если человек совершал чудеса, преподавал возвышенный кодекс этики и на некоторое время воплощал этот кодекс в самом себе, воскрес из мёртвых и вознёсся на небо, то я лично пришёл бы к выводу, что Он был божественным или, по крайней мере, владел божественной силой. Вот почему христиане могут сказать с убеждением: Иисус Христос открывает Бога.

Но проблема вот в чём: Христос открыл Бога очевидцам Своего времени. Только они, непосредственным образом, наблюдали за всеми этими событиями. Как только приходишь ко второму поколению, то в нём встречаешь частичное откровение: надо принять свидетельства очевидцев. История таким образом частично скрывает Бога, особенно от тех, кто последовал за первым поколением. Если бы Христос возвращался к каждому новому поколению и устраивал Свои дела так, чтобы каждый человек сам для себя мог увидеть чудесные события, то было бы во много раз легче подтвердить откровение Бога во Христе. Работа апологета стала бы гораздо легче.

А вот как раз здесь снова грех входит в картину. Может быть, было бы ошибочно, даже и неприлично Богу таким ясным образом представить доказательства веры. Может быть, это было бы подобно тому, как метать бисер перед свиньями. Может быть, Бог спрятал бы доказательства в истории для того, чтобы искренний искатель мог найти их, а неверующий, в результате своей предвзятости, не мог их найти.

Мы лучше поймём этот пункт, если обратим внимание на парадоксальную природу истории. Верно, что люди минувших времён творят историю, но работающий историк творит историю почти в такой мере, в какой первоначальные участники описываемой драмы. История объективна в том смысле, что события произошли вне умов всех нас, поэтому они подлежат исследованию всеми нами. Но в то же самое время история, в другом смысле, субъективна, потому что события непосредственным образом недоступны всем кроме очевидцев. То, что произошло «в прошлом», работающий историк должен воссоздать «в настоящем». Вы не можете лично вернуться и видеть воскресения Христа, но это не делает событие полностью недоступным для

8. Blais Pascal, *Pensées*, No. 309.

Вашего исследования. События первого столетия оторваны от нас, но не полностью. В некотором смысле, как бывает на судебном процессе, Вы «видите» события глазами компетентных очевидцев. Может быть, нам следует сказать, что история «объективна на расстоянии».

Поэтому история и вера близко соответствуют друг другу, потому что перед тем, как нам пользоваться ими, они требуют нашего доверия. Мы верим для того, чтобы понять. Неспециалист должен доверять работе историка; историк должен доверять очевидцам и документам; даже очевидцы должны были доверять своим чувствам. Это доверие, наподобие любого выражения веры, не является доверчивостью или легковерием; есть достаточно причин доверять другому, хотя это не доходит до уровня рациональной несомненности. По словам Александра Попа, история подобна человеку:

«При слишком большом знании для скептика,
При слишком большой слабости для стоика,
Он (человек) висит посередине...»

Как в случае кентавра, т. е. будучи частично объективной, частично субъективной, история избегает двух крайностей, которые мы уже в третьей главе обсудили, — рационализма и мистицизма.

История избегает *рационализма* потому, что приходится иметь меру веры, когда принимаешь историческое утверждение. Если никто не изобретёт машины времени, то всегда будет какая-то мера неуверенности по отношению к любому историческому событию. В истории (а к тому же, в большей части нашей жизни) мы никогда не избежим необходимости верить и доверять другим — состоянию, которое справедливо расстраивает заядлого рационалиста. Если Вы настаиваете, что надо верить только тому, что можно непосредственным образом испытать, то история будет первой святой коровой, которая сдохнет в результате Вашего скептицизма. Вам пришлось бы жить в благовидном вечном настоящем времени ввиду того, что даже Ваша память не была бы достаточно свежей.

С другой стороны, история избегает *мистицизма* потому, что она настаивает, что историческое событие не полностью субъективно. Событие произошло в прошлом, поэтому оно не замкнуто в памяти человека. Происходя объективным образом, оно с этого момента становится доступным любому ищущему уму. Сверх того, устным средством можно выразить и описать Ваше сомнение в данном событии; оно не является чем-то невыразимым, так как Вы можете рассказать о нём другим и пригласить их пересмотреть его. Те, кто жалуется, что религия должна быть известна всем людям, не обращают внимания на тот факт, что историческое событие, будучи объективным, также является потенциально универсальной истиной. Чтобы сделать его универсальной истиной, надо распространять его. Именно по этой причине христиане подчёркивают необходимость проповедовать благую весть Евангелия Иисуса Христа.

Рационализм не обращает внимания на субъективный аспект веры и истории; мистицизм не обращает внимания на их объективный аспект. Эти две крайности, казалось бы, обещают уверенность: первая — путём неизбежных дедуктивных процессов; вторая — путём совершенного личного контакта. Обоим не нравятся свойство отдалённости, т. е. частичный контакт, подтверждённый умеренной позицией веры и истории. Но как раз в этом-то и заключается сила умеренной позиции: в ней достаточно рационального, чтобы субъективную часть не допустить развиться в суеверие, но также в ней достаточно мистического, чтобы объективную часть не допустить развиваться в интеллектуализме. История и вера держатся руку об руку, потому

что они вместе включают в себя самые лучшие аспекты рационализма и мистицизма. Они создают собой равновесие между знанием и надеждой, полезную напряжённость между разумом и волей, анализом и решением, головой и сердцем, логикой и аксиологией.

Как вера оказывается состоянием убеждения посреди несомненности и доверчивости, так и история оказывается средством откровения посреди полного откровения Бога и полного скрытия Его от нас: Я верю, что те, кто ищет Его с чистым сердцем и без предвзятости, находят Его в истории, благодаря тому, что доказательства Его откровения в истории достаточно. Но для тех, кто уже решил не уверовать, история остаётся неубедительной; они с радостью указывают на её неуверенность, зависимость и на недостаток доказательств. Бог покидает таких в их неверии, потому что если бы история была полностью показательной, то интеллектуальное принятие христианского теизма не оказывало бы никакого влияния на волю людей. Как заключает Блез Паскаль: «Есть достаточно света для тех, кто только желает увидеть, и достаточно тьмы для тех, кто проявляет противоположную склонность».

У Иисуса был один ученик, который истории не доверял: Фома, называемый Близнец. Когда Фома услышал свидетельства других учеников, которые сказали, что «мы видели Господа», то он сказал: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, не поверю». Неделю спустя воскресший Господь является Фоме и исполняет его просьбу: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в рёбра Мои; и не будь неверующим, а верующим». Фома отвечает: «Господь мой и Бог мой!». Заключительные слова Иисуса прекрасно суммируют моё утверждение: «Ты поверил, потому что увидел; блаженны невидевшие и уверовавшие» (Иоан. 20:24—29).

В. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жан Жак Руссо однажды написал другу: «Разве это просто естественно, что Богу надо было пойти и найти Моисея, чтобы поговорить с Жан Жаком Руссо?»⁹ Агнос, я признаю, что это не простое дело, но я также задумываюсь о том, имеем ли мы право предположить, что истина всегда проста или что Бог управляет Вселенной по плану, который мы считали бы простым? Если я побудил Вас подумать о вероятности откровения Бога в истории, то приглашаю читать дальше. Мы теперь готовы аргументировать с точки зрения библейской истории.

9. Слова Руссо процитированы в книге: John Baillie, *A Reasoned Faith* (New York: Scribner, 1963), стр. 164.